

Вячеслав Десятов

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПСИХОДРАМА МАКСИМА ГОРЬКОГО "ВОСКРЕСШИЙ СЫН"

В 1903 году Антон Чехов написал: "Будет время, когда произведения Горького забудут, но он сам едва ли будет забыт даже через тысячу лет".¹

60 лет назад, в 1936 году, т.е. в год смерти Горького, Вл. Ходасевич опубликовал свой мемуарный о нем очерк, — вероятно, лучшее, что было когда-либо написано о Горьком. Ходасевич, вспоминая ранинюю басню Горького "О чике, который лгал, и о дятле, любителе истины", полагал, что одной из определяющих черт личности ее автора была ненависть к правде и преклонение перед иллюзией, ложью, мечтой. Развивая эту мысль, Ходасевич, в частности, рассказал о стремлении Горького театрализовать жизнь и приводил пример подобной театрализации. "Такой 'театр для себя', — писал Ходасевич, — был в его душе, я знаю несколько пьес, которые он на этом театре разыграл. Из них расскажу одну — зато самую разительную, в которой создание счастливой иллюзии доведено до полной жестокости.

В первые годы советской власти, живя в Петербурге, Горький поддерживал отношения с многими членами императорской фамилии. И вот однажды он вызвал к себе кн. Палей, вдову великого князя Павла Александровича, и объявил ей, что ее сын, молодой стихотворец кн. Палей, не расстрелян, а жив и находится в Екатеринославе, откуда только что прислал письмо и стихи. Нетрудно себе представить изумление и радость матери. [...] Через несколько времени кн. Палей, конечно, узнала, что все-таки он убит, и таким образом утешительный обман Горького стал для нее источником возобновившегося страдания: известие о смерти сына Горький заставил ее пережить дважды. [...]

Спустя несколько месяцев он сам себя выдал. Уехав во Фрейбург, он написал мне в одном из писем: "Оказывается, поэт Палей жив и я имел некоторое право вводить в заблуждение граф. (sic!) Палей (sic!). Посылаю вам только что полученные стихи оного поэта, кажется, они плохи".

Прочитав стихи, совершенно корявые, и наведя некоторые справки, я понял все: и тогда, в Петербурге, и теперь, за границей, Горький получил письмо и стихи от пролетарского поэта Палея, по происхождению

рабочего. Лично его Горький мог не знать или не помнить. Но ни по содержанию, ни по форме, ни по орфографии, ни даже по почерку стихи этого Палея ни в коем случае невозможно было принять за стихи велиокняжеского сына. Писем я не видел, но несомненно, что они еще менее могли дать повод к добросовестному заблуждению. Горький нарочно ввел себя в заблуждение, а затерял письмо и стихи не только от княгини Палея, но прежде всего и главным образом от себя, потому что ему пришло в голову разыграть дьявольскую трагикомедию с утешением несчастной матери.²

Ходасевич употребляет здесь выражение "театр для себя", не уточняя его происхождения. "Театр для себя" – название главного трехтомного сочинения известного режиссера, драматурга и теоретика театра Николая Евреинова. Опубликованное в Санкт-Петербурге в 1915–17 годах, оно отразило понимание автором жизни как непрерывной театральной игры. В 1920 году Евреинов написал пьесу "Самое главное", которая иллюстрировала разрабатываемую им "театротерапию". Здесь следует заметить, что слово "психодрама" употребляется нами не в точном смысле, который вкладывали в этот термин Ж.Л. Морено и позднейшая западная традиция "театральной" психотерапии.³ Понятие "психодрама" вполне могло бы возникнуть уже в контексте идей театротерапии Евреинова, во многом предвосхитивших эту западную традицию, но имевших, в отличие от нее, более отчетливо выраженный утопическо-тоталитарный характер. Пьеса "Самое главное", поставленная в 1921 году в Петрограде, в ближайшие годы обошла, под названием "Комедия счастья", сцены многих театров мира. "Герой ее по имени Параклет, что значит 'советник, помощник, утешитель' [...] нанимает актеров и диктует им мизансцены, в которых те играют в любовь с принимающими все за чистую монету несчастными – рабкой девушкой, неврастеничным юношем, старой девой... Жуткие последствия такого названного вмешательства в чужие жизни остаются недогранными и, похоже, недодуманными."⁴ Помимо реализации политических и экономических целей социализма, "мы должны еще что-то предпринять",⁵ – считает главный герой пьесы. То есть должны осчастливить людей средствами "театротерапии". По воспоминанию Ю. Анненкова, Евреинов формулировал сущность своей пьесы вопросом: "Сказать умирающему, что все поправимо и что он выживает, есть ли это лицемерие или акт доброты, благодеяние?"⁶ Очевидна перекличка этой проблематики с вопросами, которыеставил Горький в пьесе "На дне" (вспомним, например, сцену утешения Лукой умирающей Анны). "Основной вопрос, который я хотел поставить, это – что лучше: истина или сострадание?"⁷ – пояснил Горький задачу своей пьесы.

Но "утешительное" сообщение Горького княгине Палей следовало скорее всего понимать не в прямом смысле, а в иносказательном, символическом. В повести Горького "Мать" Павел Власов, "воскресая" к новой жизни (сознательной пролетарской борьбе),⁸ возрождает для нее и свою мать, набожную Ниловну, символизирующую старую, традиционную Россию. После ареста сына Ниловна, глядя на его товарищей, думает: "Дети! Родные мои..."⁹ В Евангелии от Иоанна так рассказывается о предсмертной встрече Христа со своей матерью: "Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе" (Ин. 19, 26–27). Сын человеческий утверждает новые – духовные – братские и материнско-сыновние отношения, отрицая прежнее, "кровное" родство. В этом смысле взгляды Иисуса близки утопизму Платона, который столь же мало дорожил кровными узами и в Государстве которого дети, став общими, воспитываются вместе, не зная своих родителей.¹⁰ На последних страницах повести Горького мать говорит: "Ведь это – как новый бог рождается людям! Все – для всех, все – для всего! Так понимаю я всех вас. Воистину, все вы – родные, все – дети одной матери – правды!"¹¹ Но если "правда – бог свободного человека", то это крайне редко грустная и тяжелая правда: если она и "горькая", то уж никак не "бубновская" (не та, которую выражает в пьесе "На дне" Бунин). Гораздо чаще это совсем другая, так сказать, нас возвышающая правда, относящаяся к действительности примерно так же, как у символистов к реальному относилось "реальнейшее". От правдивого к "правдивейшему" – вот путь подлинного соцреализма (где под "правдивейшей" реальностью подразумеваются ростки коммунистического будущего). Княгиня Палей, олицетворение старой России, очевидно, должна была, по мысли Горького, усыновить представителя мессианского пролетариата (в которого перевоплотился, воскреснув, ее сын) и сама возродиться, благодаря ему, к новой жизни. Этот подтекст горьковской "психодрамы" представляется наиболее вероятным. Повесть "Мать" по первоначальному замыслу писателя должна была стать первой частью дилогии. Вторая часть должна была называться "Сын". Поскольку замысел этот не был осуществлен, рассматриваемую "психодраму" и можно считать второй частью предлагавшейся дилогии. Допустима еще одна, дополнительная интерпретация горьковского поступка, впрочем, близкая по смыслу первой. Даже если пролетарский поэт Палей – не княжеский сын, избежавший расстрела (или расстрелянный, но воскресший), то во всяком случае – это его "брать", до революции оскорбленный и униженный. "Брат", быть может, еще и потому, что "вина" образованных классов перед народом с самого начала осмыслилась в России как вина во многом сексуальная. Так она

понимается уже в "Бедной Лизе" и в "Путешествии из Петербурга в Москву" – произведениях, с которых началась новая русская проза. Во время революции и гражданской "братоубийственной" войны проклятый сын (бастард?), "проклятым заклейменный" анфан террибл, Каин-пролетариат мстит своему благополучному брату Авелю¹² (в нашем случае – князю Палей). И эта странная мессианская месть Христа-Кaina¹³ должна быть признана справедливой и закономерной. В таком, бодлеризированно-марксистском, прочтении горьковской психодрамы княгине Палей (Еве, России) предлагалось, признав и простив свое "дурное дитя" – Каина, стереть печать проклятия с чела братоубийцы, которое после этого должно было просиять лицом Спасителя.

Не будучи литературным произведением, горьковская психодрама не только была увековечена в очерке Вл. Ходасевича, но и вошла в мировую литературу на правах одного из подтекстов набоковского романа "Bend sinister" (вариант перевода названия – "Под знаком незаконнорожденных"). Набоков, как известно, высоко ценил поэзию и критику Ходасевича. В образе Горького, каким его рисует Ходасевич, Набокову многое должно было показаться близким: симпатичным либо карикатурно-пародийным. Например, любовь Горького ко "лжи" (ср. с набоковским императивом: "Как Родине, будь вымыслу верна"), горьковская слабость к шарлатанам, фокусникам, фальшивомонетчикам (см. хотя бы набоковский рассказ "Королек"), переклички горьковского стремления "театрализовать" жизнь с идеями Евреинова, чье значительное влияние испытал Набоков (он даже исполнил роль самого Евреинова в шуточной пьесе, защищая основную идею автора "Комедии счастья"¹⁴).

Роман "Bend sinister" вполне можно определить как "комедию несчастья". Это одно из самых "металитературных" произведений Набокова; не будет преувеличением сказать, что "Bend sinister", как и "Дар", – роман о русской литературе (и во многом именно поэтому – роман о тоталитаризме). О Горьком в этом романе напоминает несколько эпизодов. Судя по ним, отношение Набокова к Горькому было двойственным. Главного героя романа знаменитого философа Адама Круга преследует правитель тоталитарного государства, стараясь принудить к сотрудничеству. Взяв с собой сына Давида, Круг уезжает на дачу к своему приятелю Максимову. Максимов пытается объяснить Кругу, что ему нужно срочно бежать за границу и вызывается в этом помочь.

После прихода к власти большевиков в России было два знаменитых "Максима", способных укрыть или защитить человека от преследований: Горький, спасший жизнь и здоровье десяткам людей, и лично знакомый Набокову хозяин Коктебеля Максимилиан Волошин. Однако в своем Максимове Набоков настойчиво подчеркивает ограниченность, что делает

основным прототипом этого героя – Горького. Любимая Набоковым шахматная тема возникает в романе единственный раз – именно в разговоре Круга и Максимова, вызывая в памяти настоящую фамилию Горького – Пешков. Максимов вызывает познакомить Круга с неким Туроком ("туркой", ладьей), с помощью которого Круг сумел бы совершить свою "рокировку" за границу. Могли также иметь значение для Набокова названия наиболее известных на Западе произведений Горького, например, пьесы "На дне" ("на дне", "под водой" происходит все действие набоковского романа) и рассказа "Голубая жизнь", впервые опубликованного по-итальянски под заглавием "La vita azurra" (президента университета в книге Набокова зовут Азуреус, его имя тоже работает на создание сложной системы "водяных знаков" романа).

Тоталитарное государство в конце концов находит способ сломить волю Адама Круга. Когда арестовывают его сына Давида, Круг согласен на все при условии, что ему вернут ребенка. Но сына Адама Круга в результате недоразумения убивают, сохранив жизнь другому ребенку – сыну однофамильца Круга. Этого мальчика с торжеством предъявляют Адаму (подобно тому, как Горький пытался предъявить однофамильца несчастной матери):

- Это не мой ребенок, – сказал Круг.
- Ваш пapa все шутит, все шутит, – добродушно поведал ребенку Кол.
- Мне нужен мой ребенок. Это чей-то еще.
- Что такое? – резко спросил Кол. – Не ваш ребенок? Глупости, милейший. Протрите глаза.
- Один из дородных мужчин [...] вытащил документ и вручил его Колу. В документе значилось ясно: Арвид Круг, сын профессора Мартина Круга, прежнего вице-президента Академии медицинских наук.
- Повязка, возможно, отчасти изменила его, – поспешил произнec Кол, и нотка отчаяния втерлась в его говорок. – И потом, конечно, мальчики так быстро растут [...] Совершенно ли вы уверены, – продолжал расспрашивать он Круга, – совершенно ли вы уверены, что этот парнишка – не ваш сынок? Философы, сами знаете, такие рассеянные. И освещение тут не так чтобы знатное [...]¹⁵

Когда, наконец, Круга приводят к его собственному, уже мертвому сыну Давиду, тело ребенка раскрашено и наряжено так, чтобы создать иллюзию жизни:

Золотисто-пурпурный тюрбан, обвитый вокруг головы, украшал убитого мальчика; умело раскрашенное, припудренное

лицо; сиреневое одеяло, исключительно ровное, доставало до подбородка. Что-то вроде пушистой игрушечной собачонки изящно лежало в изножье кровати. Прежде, чем выскочить из палаты, Круг сшиб ее с одеяла, отчего эта тварь страдальчески взмыкнула и клацнула челюстями, едва не вцепившись ей в ладонь.¹⁶

Таким образом, набоковский герой (как, вероятно, и княгиня Палей, – тут их обоих можно сравнить с горьковским дятлом, "любителем истины") не оценил затраченных на него эстетических усилий и "испортил песню" – точнее тот жестокий романс, на который рано или поздно обречён сбиваться любой утопически настроенный "чиж".

П р и м е ч а н и я

- 1 А.П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах*. Письма. Т.11, М., 1982, 164.
- 2 Вл. Ходасевич, *Колеблемый треножник*, М., 1991, 367, 369.
- 3 П. Пави, "Психодрама", *Словарь театра*, М., 1991, 268.
- 4 А. Эткайнд, *Эрос невозможного. История психоанализа в России*, СПб., 1993, 154.
- 5 Там же.
- 6 Ю. Анненков, *Дневник моих встреч. Цикл трагедий*, Т. 2, М., 1991, 130.
- 7 И.И. Вайнберг, "Горький", *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь*, Т.1, М., 1992, 650.
- 8 Первый же русский критик повести увидел в горьковском пролетариате воскресшего Христа (Там же, 652).
- 9 М. Горький, *Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25-ти томах*, Т.8, М., 1970, 288.
- 10 Платон, *Собрание сочинений в 4-х томах*, Т.3, М., 1994, 327.
- 11 М. Горький, *Указанное издание*, 339. Именно идея "братства" (в которое должно перерости "товарищество") была одной из самых вдохновительных идей революции для русских художников. "Товарищи! Мы станем – братья!" – восклицает Блок в "Скифах".

- ¹² В России, особенно в демократических кругах, было широко известно стихотворение Бодлера "Авељ и Каин" в переводах С. Андреевского, Д. Минаева ("Искра", 1870), Н. Курочкина, В. Брюсова, Эллиса и др. (Последний даже, по словам Андрея Белого, страстью иповедовал "бодлеризированный марксизм").
- ¹³ В утопическом финале поэмы "Война и мир" Маяковский сам удивлялся своей фантазии: "Земля, / откуда любовь такая нам? / Представь – / под деревом / видели с Каином / играющего в шашки Христа" (В.В. Маяковский, *Избранные сочинения в двух томах*, Т.2, М., 1982, 79).
- ¹⁴ И. Толстой, "Набоков и его театральное наследие", В. Набоков, *Пьесы*, М., 1990, 22–23.
- ¹⁵ В. Набоков, *Bend sinister* (Перевод с английского С. Ильина), СПб., 1993, 464, 465.
- ¹⁶ *Там же*, 472.